

Сергей Лебедев: «Мы возвращаемся в эпоху большого молчания» | Sergueï Lebedev : « Nous retournons dans l'époque du grand silence »

Автор: Надежда Сикорская, [Берлин-Женева](#) , 24.08.2022.

Писатель Сергей Лебедев

Роман «Дебютант» живущего в Германии российского писателя вышел во

французском переводе в лозаннском издательстве Noir sur Blanc и завтра появится в книжных магазинах Швейцарии и Франции.

|

Le roman « Le Débutant » de l'écrivain russe établi en Allemagne est paru en français dans Les Éditions Noir sur Blanc, à Lausanne. Dès demain vous le trouverez dans les librairies en Suisse et en France.

Sergueï Lebedev : « Nous retournons dans l'époque du grand silence »

Несмотря на название последнего по времени романа, увидевшего свет в московском издательстве Corpus в 2020 году, его автор в литературе совсем не дебютант, книги Сергея Лебедева входили в лонг- и шорт-листы российских и европейских литературных премий. В общей сложности они переведены на 21 язык.

[«Дебютант»](#), в 2021 году вошедший в [шорт-лист](#) Премии имени Яна Михальского, – пятый роман Лебедева. Его главный герой (или антигерой) – химик Калитин, создавший в закрытом советском НИИ быстродействующий, смертельный и не оставляющий следов яд, а после распада СССР бежавший на Запад. Двадцать лет спустя по заданию ФСБ по его следу пускается убийца. По ходу действия перед нами разворачивается вся его жизнь, вплоть до печального финала.

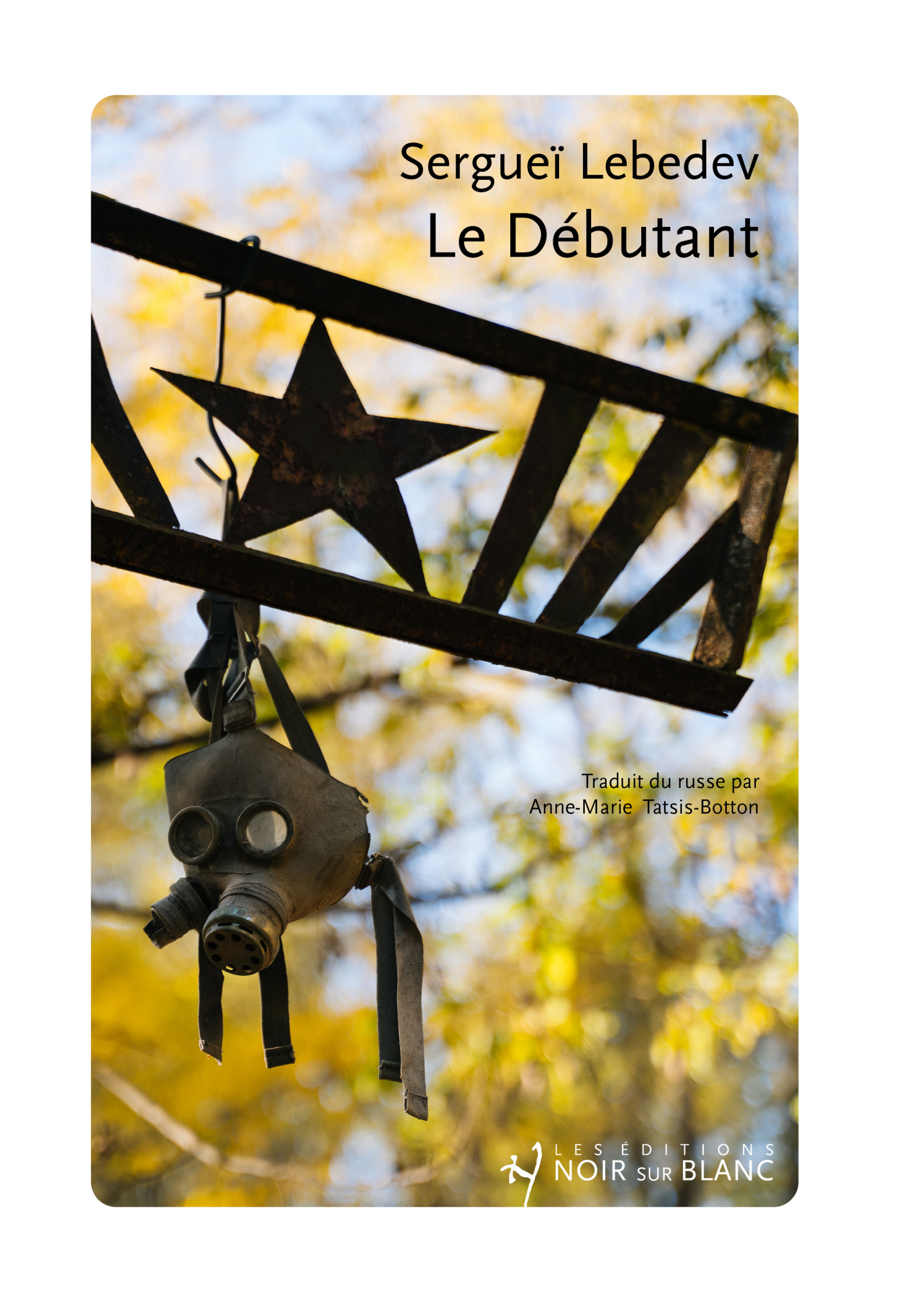
О Сергее Лебедеве много информации в открытом доступе не найдешь: родился в 1981 году в Москве в семье геологов. С четырнадцати лет восемь сезонов проработал в геологических экспедициях на севере России и в Казахстане. С 2000 по 2014 год – журналист, заместитель главного редактора газеты «Первое сентября». Его стихи публиковались в журналах «Звезда» и «Знамя». Пишет прозу, исследующую травмы и белые пятна советского прошлого. Вот, собственно, и все. Так что, чем собирать по крохам из не всегда надежных источников, мы решили побеседовать непосредственно с автором.

Наша Газета: Сергей, давайте начнем с главного, то есть с тех самых белых пятен, которые не только вам не дают покоя. Нобелевский лауреат по литературе Светлана Алексиевич так отозвалась о Вашем творчестве в целом: «Выключите телевизор и вчитайтесь... Сергей Лебедев пишет не о прошлом, а о дне сегодняшнем. Он пишет о том, что мы до сих пор не пережили, не осмыслили эпоху Сталина. Перестройка кажется уже забытой стариной, а Сталин живой. В девяностые годы мы все были романтиками, мы думали, что вот она – свобода. Но не может человек, проживший всю жизнь в лагере, выйти за ворота и назавтра стать свободным. Вместо перестройки и свободы — разворованная страна, русские воюют с украинцами, снова ставят памятники Сталину. В церквях молятся о великой России. Это уже не поколение Сталина, а их дети. Дети их детей. Бесконечная и темная связь. Герои Лебедева ищут путь, способ, как разорвать эту пуповину...» Вы – молодой человек, родились за год до смерти Брежнева, то есть самого ужаса не застали. Откуда же эта пуповина? Откуда это желание копаться в прошлом, уж не из любви ли к геологии?

Геология, которая сама есть наука о времени и метаморфозах вещества, оказалась моим проводником в прошлое в буквальном смысле. В пятнадцать лет я поехал рабочим в свою первую экспедицию на север России и встретил там остатки бывших

лагерей ГУЛАГа, ту лагерную Атлантиду, что скрыта от глаз большинства ныне живущих. Мы ходили теми же тропами, дорогами, что и заключенные когда-то, работали в штольнях и шахтах, что были ими пробиты; и постепенно из самого этого повторения, один полевой сезон за другим, появилось ощущение, что я тоже свидетель, свидетель вот этого буквального исчезновения памяти, распада, забвения.

Геология же дала мне образность: многое, что мы знаем о большой истории Земли, *вычитано* из камня, и ничто не уходит бесследно, хотя сама горная порода может претерпеть десяток изменений. Но обязательно останутся след, зацепка, и внимательный разум может расшифровать прошлое – что, собственно, и приходится делать по отношению к советскому прошлому, которое есть во многом продукт цензуры и самоцензуры, уничтожения свидетелей, фальсификации событий и фактов.

Sergueï Lebedev
Le Débutant

Traduit du russe par
Anne-Marie Tatis-Botton

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Эпиграфом к роману Вы взяли цитату из «Фауста» Гете, что сразу наводит на размышления о проданной душе. В советские времена любой гражданин, решавший сменить место жительства, автоматически объявлялся предателем Родины, «продавшим» ее за материальные блага и т.д. Ваш главный герой, талантливый ученый, перебежавший на Запад и полностью изменивший внешность, - не просто рядовой гражданин. Продал ли он душу? И если да, то в какой момент? Да и продается ли вообще душа?

Увы, продается. Одним из прототипов ученого Калитина в книге стал знаменитый немецкий химик Фриц Габер. До Первой мировой войны он был известен, как изобретатель технологии производства удобрений, как человек прогресса, несущий народам пищу и процветание. А во время войны на Западном фронте возник, пользуясь шахматной терминологией, пат: закопавшиеся в траншеи немецкие войска и войска союзников выстроили непроницаемые фронты, отгородились оборонительными линиями, так что простые пехотные атаки уже не могли прорвать эшелонированную оборону. Тогда Габер предложил решение: отравляющий газ.

Он лично руководил первым испытанием своего смертоносного детища - газовой атакой на британские позиции под Ипром в Бельгии (город даст имя газу иприт, что для русского слуха звучит почти как ифрит, проклятый джинн, демон ада). В результате атаки более 5000 английских солдат погибли и около 15000 серьезно пострадали.

Когда Габер вернулся в Берлин, его жена Клара Иммервар, тоже талантливый химик, пыталась остановить мужа - предполагается, что Клара убеждала его отказаться от новых опытов, не приносить этику науки в жертву войне. Не сумев ничего доказать, Клара взяла его пистолет, вышла в сад, выстрелила в воздух, а вторую пулю пустила себе в грудь.

В 1918 году Габер получил Нобелевскую премию по химии за свои ранние открытия. В его институте был разработан Циклон Б, та самая модификация более раннего пестицида Циклона А, что использовалась в газовых камерах нацистских лагерей уничтожения. В 1933 году Габер, еврей, был вынужден покинуть Германию, а некоторые его родственники были уничтожены в лагерях, - теми самыми газами, которые он выпустил в мир, как джинна из бутылки.

Габер был одним из тех, кто заложил канон романа между наукой и тоталитарной властью, отношений взаимного притяжения и подчинения, которые рождают технических монстров. Мир современного «Франкенштейна», в котором наука больше не ищет блага, а монстр - не случайность, но сама цель. И сама судьба Габера свидетельствует: да, душа есть, и ее можно потерять.

От некоторых формулировок, вложенных вами в уста Ваших персонажей, реально мороз пробирает. Вот, например: «Государство всегда Циклоп, его взгляд не стереоскопичен, однок. Оно видит только водяные знаки лояльности и нелояльности. Поэтому досье - не дубликат жизни. А особый, темный, усеченный ее двойник, сотканный из доносов, украденных, подслушанных слов, подсмотренных сцен; источник тайной зловещей власти, заключающейся в самой возможности сорвать защитные покровы будничности». Перед читателем открывается целая палитра ассоциаций - от Большого Брата до «колпака Мюллера». Вы это относите только к нашей стране или к любой государственной системе как таковой?

Я говорю в первую очередь о нашей стране и о странах так называемого «соцлагеря», оккупированных СССР, объединенных сходством практик и методов работы тайной полиции. Потому что именно в них понятие политической нелояльности стало предельно широким, нарушавшим и разрушавшим базовые права и свободы граждан – свободу мысли, слова, совести... И сегодня, когда в России де-факто введена военная цензура, мы именно туда и возвращаемся, в эпоху жизни без приватности, без личного защищенного пространства, в эпоху большого молчания.

Франкоязычному читателю, возможно, это придется объяснить, а русскоязычный сразу проведет параллель между «Дебютантом» и «Новичком». Помимо всех прочих вопросов возникает и вопрос об ответственности ученого, об оправданности средств целью... Что Вы об этом скажете?

В российской литературе этот вопрос ставил Солженицын в романе «В круге первом». Напомню, перед героями стоит выбор: работать на госбезопасность, создавать устройства, которые помогут чекистам более эффективно и изоциренно следить за людьми, проникать в их жизнь, и тем самым облегчить себе пребывание в застенке, раньше выйти на свободу, или отправиться из «шарашки», из элитной тюрьмы с облегченным режимом, из того самого «круга первого» в обычный лагерь, вниз по кругам ада. Герой Солженицына выбирает лагерь, – чтобы не вооружать, не усиливать зло. Меня, кстати, поразило, что во всех дискуссиях по поводу «Новичка» и недавних отравлений текст Солженицына едва ли упоминался вообще, хотя он и обозначил проблему в советском, российском контексте, и дал ответ.

Ваш персонаж Калитин – типичный представитель тех, кто не принял распад СССР, кто считает себя преданным Родине, ностальгирует по прошлому и мечтает о возрождении советской империи. С содроганием читаешь, как, увидев в газете описание ужасов чеченской войны, Калитин, человек бывалый и информированный, поражается не зверствам, а тому, что какой-то журналист не только о них прознал, но и написал. Кто бы такое допустил раньше, задает он сам себе риторический вопрос. Как мы видим, такие настроения – вопрос не столько возраста, сколько менталитета. То поколение вымирает, но на смену ему приходит новое, с такими же амбициями. Как Вы это объясняете?

Я думаю, что на самом деле никакой смены поколений в России не произошло. Мы все читали в школе «Отцы и дети». Но если посмотреть сквозь призму этого произведения на историю постсоветской России, мы не увидим никакого содержательного конфликта, обозначающего слом поколений. Или, если говорить об опыте Западной Германии, мы не видим поколения детей, спрашивающего отцов – а как вы жили там, в преступном государстве? Несете ли вы за него ответственность? История текла как бы сама собой, без межпоколенческих рубежей, и я думаю, что это следствие сложившегося в обществе неписанного соглашения о том, что никто ни за что не ответственен, мы просто все тут оказались и должны как-то выживать, не поднимая больших вопросов.

« ... зримость смерти, ее вечный рок, приговоренность оставлять следы, быть узнанной, – и есть натуральное добро, красная сигнальная нить, вшитая, вплетенная в устройство мира. Так закодирован, реализован в материи изначальный закон воздаяния. А значит, сама возможность его исполнения. Возможность существования понятий преступления, вины, возмездия, искупления, покаяния. Нравственности как

ТАКОВОЙ.»

В феврале прошлого года, в интервью газете The Guardian, Вы сказали, что корни нового российского зла - во зле старом, имея в виду сталинскую эпоху. Разделяете ли Вы мнение, что России не удалось реально превратиться в демократическую страну из-за того, что государство так и не заняло однозначной позиции по Сталину?

Я бы сказал, что историческая неудача России в том, что общество не заняло однозначной позиции по отношению к государству. Фактически все страны Восточной Европы, освободившиеся от советской оккупации, в той или иной форме ставили вопрос о юридической ответственности виновных за преступления режима, о мерах transitional justice, призванных прервать преемственность политических элит и восстановить верховенство права. Тогда как Россия, страна-агрессор по отношению к другим и к самой себе, на которой лежала гораздо более тяжкая ответственность, никаких мер не приняла. Более того, и либеральная публика того времени слаженным фронтом выступала против люстраций и юридических преследований, называя их «охотой на ведьм». Что ж, охотники свой шанс упустили, а ведьмы – нет.

На обложку французского издания Вашей книги вынесена цитата «Лучший яд - это страх». Многие говорят, что этим ядом пронизано все российское общество. В романе страх «начинается» с подслушанного юным Калитиным разговора родителей о «деле врачей», а наглядным свидетельством перемен после смерти Сталина для мальчика становится то, что родители перестают запирается от него на кухне. Сегодняшнее молчание многочисленных россиян и их непротivление войне также объясняют страхом. Почему его не удается истребить?

Я думаю, главная проблема в том, что мы не хотим признаться самим себе в этом страхе, как в константе российского бытия. Заговори с людьми о двадцати годах жизни при Путине, и тебя начнут убеждать, что вообще-то в минувшие годы никто особо ничего не боялся, все жили как жили, без особых страхов. Но я полагаю, что страх все-таки был, страх перед набирающим силу беззаконием государства, парализующий любые намерения сопротивления раньше, чем они оказывались осознаны. И не случайно в российской культуре отсутствует образ, нарратив Сопротивления, resistance как традиции и политического фактора, ведь диссидентство – это все-таки немного про другое, про личную этику в первую очередь.

Ваш роман был написан до начала войны в Украине, в нем незримо присутствует другая война - в Чечне. Ваш персонаж Шершнеv, при всем своем зверстве, где-то и трагическая фигура, ведь он тоже искалечен войной, лишившей его жены, сына, человеческого облика и превратившей в ходячее оружие смерти. Почему люди не учатся на собственном опыте?

Я думаю, что люди всегда учатся на опыте. Другое дело, что они из этого опыта выбирают, чему именно учиться. Две войны в Чечне, увы, очень многому научили российское общество. Они научили его (а точнее, реактивировали ранее приобретенные навыки) игнорировать зло, сживаться с ним, переносить вину на жертву, оправдывать преступления и поступаться своими гражданскими правами в пользу государства. Это тоже школа, и российское общество ее окончило.

На английском Ваш роман вышел под названием «Untraceable», то есть «Не оставляющий следа». А суть-то, мне кажется, в обратном, в том, что сколько не скрывайся и не меняй личину, след остается. Судьба Калитина, в начале повествования рассуждающего о том, что «быть другим - ежедневный тяжелый труд», как и судьба Шершнева - это как бы доказательства неминуемости возмездия. Вы действительно верите, что зло обязательно будет наказано?

Я верю, что зло, как минимум, обязательно будет раскрыто. Найдено, обличено, в какие бы маски оно не рядилось и какие бы ухищрения ни применяло. Мне когда-то пришлось читать в большом количестве материалы ICTY, Международного трибунала по бывшей Югославии - они выложены в сети, протоколы допросов и так далее. Километры признаний. И вот эти люди, военные, полувоенные, рассказывают, в частности, как они прятали свои преступления против гражданского населения. Как выбирали место, как уничтожали *останки* - изобретательно, с практической выдумкой. Но сидят они в камерах, и предстоит им суд; изобретательность и выдумка не помогли. Собственно, эти материалы ICTY показывают, что следствие и правосудие могут очень многое, если есть ресурсы и политическая воля, если мир объединяется в стремлении найти и наказать преступника. Одним из реальных прототипов героев-перевертышей в книге был приговоренный ICTY к пожизненному заключению за военные преступления лидер боснийских сербов Радован Караджич, который многие годы скрывался, не скрываясь - он открыто жил в Белграде как доктор Дабич, седобородый адепт альтернативной медицины, даже выступал по телевидению. Он абсолютно перевоплотился, его никто не узнавал, но все же спустя 12 лет маскировка была раскрыта, в тюрьме его постригли, сбили бороду, и миру явился прежний Караджич, которого мы помним по репортажам 90-х годов: человек с характерно жестким лицом. Так что, возвращаясь к вопросу, возможность и вероятность воздаяния существуют всегда. Другое дело, что злу многое прощается.

Чем, на Ваш взгляд, завершится война в Украине, и какова дальнейшая судьба российской интеллигенции?

Россия уже потерпела историческое поражение, просто начав эту войну в 2014 году. И вся дальнейшая судьба российской интеллигенции будет связана с этим фактом.

[швейцарская культура](#)

Статьи по теме

[Максим Осипов: «Уехал - значит, уехал»](#)

[Жиль Зильберштейн: «Путешествия в авторитарную Россию»](#)

[Леван Бердзенишвили и его добрая книга о ГУЛАГе](#)

[Людмила Улицкая: «Шатается все, что казалось незыблемым»](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/sergey-lebedev-my-vozvrashchaemsvya-v-epohu-bolshogo-molchaniya>